

III. В семье или без семьи?

1. Как распадаются семьи.
2. Не сошлись характерами?
3. В семье или без семьи...
4. Нежданные дети.
5. Отцы и алименты.
6. Семья и пятилетка.
7. Забота о молодой семье
8. Скособоженная жизнь.

КАК РАСПАДАЮТСЯ СЕМЬИ*

Об этом говорят сейчас повсюду: разводов стало гораздо больше. Наверное, каждому знакома хоть одна семья, жизнь которой не сложилась. Что касается демографов, то они считают развод одной из главных своих проблем: быстрый рост числа людей, ставших одиноками, по-видимому, оказывает существенное влияние на воспроизводство населения. Тем не менее развод как социальное явление исследован у нас крайне недостаточно. Об этом стоит поговорить всерьез.

Кто разводится?

Сколько семей разрушается у нас ежегодно? И как меняется количество разводов от года к году? Вот что об этом говорит статистика:

Число зарегистрированных разводов

Год	Колич. (тысяч)	на 1000 человек населения
1940	205,6	1,1
1950	67,4	0,4
1960	270,2	1,3
1965	360,4	1,6
1966	646,1	2,8
1967	646,3	2,7

К сожалению, статистика эта крайне несовершенна. Учитываются не случаи фактического прекращения брака и даже не случаи юридического расторжения его судом, а всего лишь данные о регистрации постановлений суда в органах загса.

* Литературная газета № 36, 3 сентября 1969 г.

Дело, однако, в том, что там отмечаются далеко не все такие судебные решения. Специальное исследование показало, что, например, в Москве за три с половиной года в загсе не оформили свое новое семейное положение 30 процентов разведенных. Никому вообще неизвестно истинное соотношение между числом фактического распада семей и числом формальных разводов. Последнее сильно зависит от принятой юридической процедуры.

Число зарегистрированных разводов, без всякого сомнения, много меньше числа случаев фактического распада брачных пар. Несомненно также и то, что растет число разводов не только юридических, но и фактических. Семья становится менее устойчивой. На 100 браков в 1950 году приходилось три развода, в 1960-м — десять разводов, в 1967-м — тридцать.

Развод — проблема молодежная и молодых семей. Понятно, что молодые семьи создаются не только у молодых людей. Из каждых 100 молодоженов 1967 года 29 были старше тридцати лет.

Согласно официальной статистике в 1967 году на каждых 10 разошедшихся приходилось четверо в возрасте до тридцати лет. Фактически доля молодежи, конечно, несравненно выше — из-за оттяжки с оформлением судебного решения. Доля молодежи среди разводящихся во много раз больше, чем среди состоящих в браке.

По официальным данным, средняя продолжительность расторгнутых в 1967 году браков — около десяти лет. При этом 29 процентов семей существовало менее пяти лет и только три процента — менее года. Но именно эти данные сильнее всего искажаются. Если считать продолжительность брака так, как это делают сейчас статистики, — от регистрации брака до регистрации развода, — то средняя длительность расторгнутого брака в Москве равна восьми годам. Специальное же исследование показало, что расторгнутые браки просуществовали в среднем лишь немногим больше пяти лет. Далее, согласно статистике, только два процента браков существовали менее одного года. При более точном учете (до фактического разрыва) — двадцать один процент. В десять раз больше! По этим более точным данным, три пятых всех расторгнутых браков распадается ранее, чем через пять лет после их заключения, а не одна треть, как утверждает статистика.

Уточнения эти, на мой взгляд, имеют принципиальное значение. При нынешней интенсивности браков и разводов в Москве это означает, что по крайней мере каждая

десятая новая семья существует менее года. Это крайне важно знать, чтобы выяснить причины разводов и их роста, чтобы уметь управлять демографическими процессами.

Где?

«Первенство» держит Латвия — 4,2 на 1000 жителей. Второе и третье места делят Россия и Эстония — по 3,2, четвертое занимает Украина — 3. Меньше всего разводов в Армении и Грузии — по одному, Узбекистане, Киргизии и Таджикистане — 1,1 на 1000 жителей.

Несравненно больше эти различия внутри республик. Абсолютное первенство — у Магаданской области: 9,4 развода на 1000 человек. Есть, однако, все основания думать, что это — статистическая фикция. Дело, видимо, в том, что среди прибывающих в Магаданскую область (а по интенсивности миграции она стоит на первом месте в стране) много тех, у кого семья разрушилась до переезда. Оформление же развода происходит у многих на новом месте.

Выделяются Московская и Ленинградская области — 4,8 развода на 1000 жителей (без Москвы и Ленинграда).

Меньше всего в пределах России разводов в Туве и Чувашии (по 1,2 на тысячу), Мордовии (1,4), Бурятии (1,5), Дагестане (1,6). Из областей со сплошным русским населением меньше всего разводов в Кировской области (1,8) и Вологодской (1,9). Обнаруживается закономерность: чем выше уровень промышленного развития области и чем больше доля горожан в ее населении, тем выше уровень разводов. Горожане разводятся чаще, чем сельские жители, жители больших городов — чаще, чем малых.

По последним данным, на 1000 жителей в нашей стране в среднем приходилось 2,7 развода, но у горожан — 4,2, а у жителей городов с населением более 500 тысяч жителей — 4,9. Выделяются крупнейшие: Москва — 6,0 и Ленинград — 5,9. Еще выше цифры в Волгограде, Одессе и Риге — 6,3. Общее у этих пяти городов то, что среди их относительно молодых взрослых жителей, то есть тех, кто главным образом и разводится, резко преобладают коренные горожане, в то время как в большинстве других городов преобладают выходцы из села.

Самые низкие показатели так называемой разводимости — у колхозников, самые высокие — у интеллигенции.

Почему?

Итак, разводы — проблема молодежная. И прежде всего проблема городская. Число разводов быстро растет. В чем причины этого?

Ими четверть века занимаются тысячи судов, а в последние годы — демографы, и философы, социологи и экономисты. И тем не менее едва ли можно сказать, что тут многое выяснено.

Суды, естественно, не занимаются общими причинами разводов. Более того, судебное заседание — место, мало подходящее для интимных бесед о семейном счастье. Истцу нужен прежде всего развод. Он подыскивает мотивы, признаваемые более уважительными. Нормальный человек не склонен пускать судей в свой интимный мир. Наконец, мотив — это еще не причина. А что можно извлечь из трафаретных формулировок типа: «не сошлись характерами» или «прошла любовь»?

Я буду говорить здесь не столько о причинах разводов, сколько о причинах быстрого увеличения их числа. Едва ли можно оспорить мысль, что общие причины изменения числа разводов надо искать в изменениях самого населения и условий его жизни.

Что изменилось за последние десятилетия в нас и вокруг нас?

Начнем с экономики. Произошло всеобщее вовлечение женщин в общественное производство. Экономическая самостоятельность женщины, меньшая ее зависимость от мужчины должны были вызвать и некоторые изменения в брачно-семейных отношениях. Экономические связи внутри семьи ослабляются, — это не может пройти бесследно.

А вот перемены демографические. В наиболее активных возрастах мужчин теперь почти столько, сколько женщин — после войны равновесие было резко нарушено во всех возрастах старше 17 лет, а к началу нынешнего года оно целиком восстановилось для тех, кому не больше 42 лет. Теперь женщина значительно меньше опасается, что, разойдясь с мужем, она не создаст новой семьи.

Исчезла старая большая семья, состоявшая из трех поколений. Старики всегда были в семье сдерживающим началом, хранителями патриархальных традиций и «мирителями».

Резко уменьшилась рождаемость. Молодежь не спешит заводить детей. Многие успевают разойтись до того, как у них появятся дети. Многодетность стала явлением

редким. В целом демографические связи семьи ослабли, видимо, в меньшей степени, чем экономические.

Не надо забывать и о социологических сдвигах. Резко выросла доля интеллигенции и квалифицированных рабочих. Значение ценностей, неразрывно связанных с семьей, вероятно, существенно понизилось. Поднялся престиж факторов, связанных с профессиональным трудом, общественной деятельностью, развлечениями. Возросло значение свободного времени. В браке в связи с социальными изменениями быстро усиливается роль психологической и интеллектуальной гармонии супругов. Обострилась проблема психологической и интеллектуальной совместимости в дополнение к давно признаваемой проблеме совместимости физиологической.

Этим изменениям не были противопоставлены другие, ведущие к укреплению семьи. Общество стало несравненно терпимее, чем раньше, относиться к разводам, внебрачной и добрачной половой жизни.

И, наконец, следствия

Последствия резкого увеличения числа разводов могут быть весьма многообразными. Остановлюсь лишь на тех, которые наиболее ясны.

Разводы понижают рождаемость и затрудняют воспитание и обучение детей.

Многие ли разведенные создают новые семьи? И как быстро они это делают? Неизвестно. Зато хорошо известно, что в юридический, «законный» брак многие из них не вступают. В 1967 году в повторный брак вступило 354 тысячи мужчин и 313 тысяч женщин. Между тем в том же 1967 году зарегистрировано 646 тысяч разводов. И столько же — в 1966 году. Следовательно, если бы в повторные браки вступали только те, кто зарегистрировал свой развод, то и тогда их было бы только половина от числа зарегистрировавших прекращение брака. Те, кто получил развод, но не регистрировал его в загсе, вступать в юридический брак, естественно, не имеют права. А их число, как уже говорилось вначале, весьма значительно. Но ведь в новый брак вступают и вдовы, и вдовцы. Их тоже немало. Таким образом, лишь меньшинство разошедшихся связывает себя вновь узами «законного» брака.

Однако это не все. И, может быть, не главное. К разводам более склонны те супруги, у которых или нет детей, или один ребенок. Но справедливо и обратное утверждение: чем

больше разводов, тем меньше детей. Даже у тех, кто не разрушил семью и не собирается этого делать. Ощущение неустойчивости семьи, возможности ее распада, многочисленные примеры друзей, знакомых, соседей — все это отнюдь не поощряет обзаведение детьми.

Все это весьма важно. Везде, где высок уровень разводов, воспроизводство населения уменьшается. Кое-где у нас рождается уже меньше, чем умирает.

Все, что мы знаем о воспитании детей в неполных семьях, об учении этих детей, говорит о других весьма неблагоприятных последствиях разводов. Не разбирая подробно этого вопроса, приведу лишь опубликованную недавно таблицу, составленную по материалам массового обследования средних школ Новосибирска.

Распределение детей по успеваемости, в процентах

Успеваемость	Все дети	Воспитывающиеся:	
		в семье без отца	в интернатах
Отличная	5,0	3,4	3,3
Хорошая	30,5	24,1	22,8
Удовлетворительная	56,5	60,7	61,0
Неудовлетворительная	8,0	11,8	12,9

Поскольку мы продолжаем считать, что семья в нынешней ее форме остается демографической основой общества, нужно принять меры по выработке у подрастающего поколения более уважительного отношения к «семейным ценностям».

Надо обратить внимание не только на вопросы физиологической совместимости будущих супругов, о чем в последнее время говорят особенно много, но и на вопросы их психологической и интеллектуальной совместимости. Наконец, нужна серьезная научная разработка проблемы развода в современном обществе.

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ?*

По недавно опубликованной Центральным статистическим управлением СССР демографической статистике, в 1976 году в СССР было 861 тысяча разводов. Это на 78 тысяч больше, чем в 1975 году, и в три с лишним раза больше, чем в 1960 году, когда разводов было 270 тысяч.

На 1000 браков в 1960 году приходилось 104 развода, в 1975-м – 288, в 1976-м – 332. Итак, нынче один развод – на три брака!

Специальные исследования показывают, что треть разводов падает на семьи, существовавшие менее года, еще треть – на семьи, прожившие от года до пяти лет. Отсюда видно, что развод в значительной мере – проблема молодых семей.

Разумеется, приведенные цифры достаточно тревожны.

Разводы – это, прежде всего, безотцовщина. Около половины разводящихся супругов имеют детей, часть их – по несколько. Нетрудно подсчитать, что при том количестве разводов, которое было в 1976 году, в так называемых «неполных семьях», где нет отца, окажется около полумиллиона детей. У части ребят потом появится отчим, но боюсь, что далеко не у всех. В повторный брак вступает меньше половины разведшихся женщин, и то преимущественно – бездетные.

Рост разводов – это и уменьшение рождаемости. Начиная предвидеть распад семьи, многие супруги сознательно ограничивают число детей.

Наконец, развод – это всегда драма, хотя бы для одного из супругов.

Все это заставляет искать меры укрепления семьи. Но для всего этого надо – прежде всего! – знать причины разводов.

Знаем ли мы их? И да, и нет.

Знаем, если говорить о причинах конкретного распада конкретных семей – и то на юридическом уровне. Не составляет особого труда классифицировать все разводы по

* Литературная газета N 7, 15 февраля 1978 г.

причинам, которые названы в судебных постановлениях. Но всегда ли расставшиеся супруги могут искренне рассказать о причине разрыва? Обычно называется что-то ходовое и внешне убедительное, а нередко указывается просто повод к разрыву. Научные работники пытаются – с большим или меньшим успехом – за этими внешними причинами обнаружить подлинные.

В последние годы вышли очень интересные специальные работы, где причинам развода уделено много внимания, - например, книги Л. Чуйко «Браки и разводы» и Н. Соловьева «Брак и семья сегодня». По данным Л. Чуйко, анализирующей материалы, собранные в Киеве, получается, что главная причина разводов – пьянство и алкоголизм мужей. Более половины всех исков о разводе (61 процент) исходит от жен, причем почти в половине этих случаев (47 процентов) пьянство и алкоголизм названы главной причиной развода, а почти во всех остальных случаях – причиной сопутствующей.

Это согласуется с бытовыми взглядами неспециалистов. Но вот согласуется ли это с действительностью? Вопрос далеко не простой. Разумеется, в конкретной семье пьянство может стать причиной ее распада, но не может ли быть и наоборот: пьянство – результат плохих отношений в семье? Не может ли быть также, что в основе и пьянства, и разводов лежат другие, общие для того и другого причины?

Для иллюстрации приведу такой хорошо известный пример. В дореволюционной России была обнаружена теснейшая статистическая связь между урожаями хлеба и количеством пожаров в деревнях. Высокий урожай – мало пожаров, много пожаров – низкий урожай. Непосредственной связи между этими явлениям, конечно, не было. Однако общая причина существовала: количество осадков. Дожливое лето – мало пожаров и много хлеба; засуха – много пожаров и неурожай.

Нет ли чего-либо подобного в делах семейных?

Обратим внимание на то, что все исследователи ищут причины развода только в семье, в отношениях между мужем и женой. Находят еще причину в несовершенстве бытовых условий.

Думаю, что это методологическая ошибка. Если бы дело было только в недовольстве жены мужем, а мужа – женой, то подавляющее большинство разведенных быстро вступало бы в повторный брак. Посмотрим, что происходит в действительности. В 1967 году было 646 тысяч разводов, в повторные же браки вступили только 354 тысячи мужчин, что составляет 55 процентов. В 1976 году на 861 тысячу разводов пришлось 408

тысяч повторных мужских браков – 47 процентов. А между тем к этому времени в населении страны накопилось много миллионов разведенных, не вступивших в повторные браки, чего не было к 1967 году, поскольку уровень разводов возрос только в середине шестидесятых годов. Это означает, что большинство разведенных не желает вступать в повторные браки (заметим, кстати, что в повторные браки вступают и вдовцы, которых тоже немало). В нынешней демографической обстановке, когда женихов недостает, вступить в повторный брак для мужчины довольно легко. Дело, значит, не только (и не столько) в конкретных женах. Многие просто не желают связывать себя «законным» браком. Не может ли быть, что в разгадке именно этого феномена и заключается главное в понимании причин развода? Больше того – причин трудностей, которые переживает сегодня семья, в особенности молодая.

Рискну высказать собственную гипотезу.

Суть трудностей, переживаемых молодой семьей, заключается в том, что она переживает переходный период – от семьи патриархальной, с полным и безусловным главенством мужа, к семье «биархатной» - с равенством мужа и жены. Переход этот труден, поскольку мужчины не желают «сдавать позиций», а женщины не желают мириться с прежним неравенством. Женщины бунтуют. И правильно, конечно, делают.

Провозглашенное в нашей стране шестьдесят лет назад равноправие мужчины и женщины во всех сферах жизни привело к равенству женщин с мужчинами в общественном производстве. Если раньше только мужчина, муж, глава семьи был работником, добытчиком, а жена – домохозяйкой, на которой полностью лежали заботы о доме и детях, то теперь жена – такой же добытчик и кормилец, как муж. Заметим, к тому же, что во многих семьях заработок жены не ниже мужского. Добавим, что из каждых десяти человек, имеющих дипломы вузов и техникумов, шесть – женщины.

Надо признать, что женщины весьма эффективно использовали широкие возможности получения образования. По статистике, молодые женщины существенно образованнее своих сверстников мужчин, если даже учитывать только формальные признаки: число лет обучения, дипломы и т.д. А ведь это означает, что молодые женщины предъявляют своим избранникам повышенные требования интеллектуального и морального свойства. Видимо, не случайно резкий рост разводов совпал по времени с быстрым подъемом образованности советской молодежи и быстрым нарастанием образовательных преимуществ женщин.

Наконец, девочки и девушки растут в обстановке действительного равенства полов в школе, в условиях даже некоторых преимуществ перед своими сверстниками, одна из причин которых – феминизация школы, почти исключительно женский состав преподавателей.

Из обстановки равенства молодая жена попадает в семью, где нередко муж и его родичи все еще ожидают, что жена добровольно примет на себя обязанности прислуги и все без исключения домашние дела сделает именно она. Если жена на это соглашается, то получается, что у нее ежедневно два полновесных рабочих дня – на производстве и дома, что у нее фактически нет свободной минуты, в то время как молодой муж (если он не совмещает работу с учебой) не знает, куда это свободное время девать, как его «убить». Начинаются, разумеется, мужские компании с выпивкой, да и не только мужские. Но современная-то молодая жена, как правило, не может с этим примириться. Границы домашних обязанностей мужа и жены часто устанавливаются чуть ли не в борьбе, где наступающая сторона – жена, а за обороняющимся мужем – традиции, согласно которым домашняя работа мужчину унижает.

Можно подтвердить сказанное выдержками из многих писем в редакции, но думаю, что это общеизвестно. При всем наступательном порыве молодых жен в семье велики еще остатки неравенства. Специалист по семье Н. Соловьев полагает, что рабочая неделя мужа (на производстве и дома) содержит 50 рабочих часов, в то время как жены – 80. Я не буду настаивать именно на этих цифрах, тем не менее, несомненно, что женщины сильно перегружены, что равенства во всех семьях все еще нет, что женщины не хотят (и не могут!) с этим мириться.

Путь к нормализации семейных отношений – это путь равенства. Только тогда будут решены проблемы взаимоотношений между супругами и укрепления семьи, задачи уменьшения числа разводов и сокращения их негативных последствий.

Высказав эту гипотезу, я не хотел бы много говорить о тех конкретных мерах, которые общество должно будет принять, если такой взгляд на суть наших семейных неурядиц будет всесторонне научно обоснован и признан. Скажу лишь об одном, заимствовав формулировку у Н. Соловьева, уже упоминавшегося: «Во все школьные программы желательно бы (я бы сказал – необходимо!) включить курс подготовки к личной жизни: учить молодежь управляться с семейным бюджетом, вести домашнее хозяйство, поддерживать хорошие взаимоотношения в семье». Все воспитание молодого

поколения должно вестись в духе равенства полов – не только равноправия в общественной и трудовой жизни, но и фактического равенства в каждой семье.

В СЕМЬЕ ИЛИ БЕЗ СЕМЬИ...*

(В рубрике «Человек будущего – каков он?»)

Напомню, что читатель «ЛГ» В. Герасимов в интереснейшем письме, опубликованном газетой в прошлом году (№ 20), спрашивал, в частности, «как будет выглядеть семья будущего?». Он задумался над тем, «станет ли воспитание детей при коммунизме целиком функцией общества?.. Согласятся ли женщины вообще рожать, если дети с самого раннего возраста будут передаваться на попечение общества? И не обеднеет ли жизнь взрослых, если отстранить их от воспитания собственного ребенка?.. Что будет с семьей, когда они лишится такого цементирующего и объединяющего фактора, как дети?».

Такие и подобные вопросы в редакционной почте встречаются часто. Когда мне приходится выступать с публичной лекцией по вопросам демографии, из зала обязательно поступают вопросы о будущем семьи, о новых формах семьи, о том, «не исчезнет ли семья», что будет «за» семьей и т.д.

Все это вопросы чрезвычайно важные как с точки зрения отдельного человека, так и общества в целом. И нелегкие.

Всякий любитель фантастической литературы хорошо знает, что отношения мужчины и женщины и все, что с этим связано, - излюбленные сюжеты писателей-фантастов. В фантастике можно найти любые модели будущих любовно-брачно-семейных, как и любовно-бессемейных отношений. Серьезные ответы на вопросы о будущем семьи должно бы дать наука, научное прогнозирование.

Прогнозы, как всем известно, дело непростое. Об этом можно судить хотя бы по прогнозам погоды. Между тем, социальное прогнозирование в некоторых отношениях куда сложнее природного.

Одна из специфических сложностей состоит в том, что эти прогнозы могут болезненно затрагивать наши любимые предрассудки. Как справедливо и точно сказал поэт, «тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман».

* Литературная газета № 6, 7 февраля 1979 г.

Новые явления мы оцениваем (и это неизбежно) в старых понятиях и на основе старых представлений. Это часто вызывает очень разное отношение к одним и тем же явлениям у людей, сложившихся в разное время, то есть у разных поколений. Так, к добрачным половым отношениям люди пожилые и молодежь относятся весьма различно (это показывают социологические обследования). Кстати, тому, кто публично предсказал бы нынешнее развитие этих отношений лет тридцать – сорок назад, пришлось бы нелегко.

Нужно четко представлять, что прогнозы **условны** и **вероятностны**. Их общая формула такова: «если... то...».

Семья, как известно, явление сложное и определяемое в решающих своих чертах состоянием общества в целом. Развитие семьи определяется социально-экономическим развитием, о чем говорил еще Фридрих Энгельс. Из этого следует, что для сколько-нибудь успешных долговременных прогнозов развития семьи необходимы основательные прогнозы развития экономики, социального состава населения, образа жизни и многого другого. Кроме того, надо хорошо знать связи всех этих сторон действительности с семьей, причем не «вообще», не в качественном виде, а связи **количественные**.

Ничего этого мы не имеем. Плохо знаем мы и **семью в целом**, во взаимосвязи разных ее сторон и разных аспектов ее жизнедеятельности. Ибо науки о семье пока нет, а разными сторонами семьи занимается не менее десятка наук (демография, этнография, социология и т.д.).

Все это не означает, что прогнозировать развитие семьи сейчас нельзя, преждевременно или не нужно. Речь идет лишь о том, **на какой период**, с какой **степенью точности** и насколько **детально** можно прогнозировать.

Думаю, что на нынешнем уровне развития науки можно достаточно точно представить себе семью во **времена наших внуков**, если считать, что мы живем в **наши времена**, то есть лет через пятьдесят-шестьдесят. Можно, видимо, в общих чертах представить и то, что будет в этой области во времена **внуков наших внуков**, то есть в конце следующего столетия. А вот что будет... скажем, **в двадцать пятом веке** – это таится в столь густой мгле, что может пока быть лишь объектом фантастических догадок.

Для относительно близкого времени применим такой простой и надежный метод, как метод аналогий.

Мы можем о **средней**, наиболее массовой, наиболее типичной семье недалекого будущего судить по нынешней семье тех частей населения и тех частей страны, которые дальше других продвинулись в социальном развитии.

Приведу показательный пример возможностей этого простого метода из недалекого прошлого.

Показатели рождаемости и воспроизводства населения Москвы в предвоенные годы были примерно такими, как по стране в целом в конце **пятидесятых** годов: в конце пятидесятых годов в Москве они были такими, как по стране в целом в **настоящее время**. Москва опережала страну в целом примерно на двадцать лет.

Своевременное применение этого простого метода прогнозирования могло заблаговременно предупредить о резком снижении рождаемости по стране в целом в шестидесятые годы, следствия чего мы пожнем в восьмидесятые годы.

Кстати, если страна в целом будет иметь через двадцать лет те показатели воспроизводства населения, которые сейчас имеет Москва, то это будет означать обострение демографической ситуации. Понятно, что общество не допустит этого, то есть примет какие-то меры, чтобы повлиять на демографические процессы. Но тогда и прогнозирование осложняется, так как зависит от этих мер.

В настоящее время страна переживает демографическую революцию. Изменения семьи – центр этой революции.

От чего и к чему происходит переход?

От семьи так называемой «патриархальной» - с резко выраженным главенством мужа в семье – к «биархатной» семье – с приблизительным равенством мужа и жены.

От семьи большой, неразделенной, многопоколенной – к семье малой, состоящей из супругов и их детей.

От семьи многодетной – к малодетной, от высокой рождаемости – к низкой.

Это изменения главные, центральные. Вокруг них происходит множество других сдвигов в самой семье, процессах ее возникновения и распада, ее функционирования во всех сторонах, любовно-брачно-семейных отношений, в половой морали.

Явления, которые вызывают в последнее время озабоченность демографов (падение рождаемости до уровня, угрожающего простому воспроизводству населения,

резкое увеличение числа разводов, падение престижа семьи, выражающееся, в частности, в нежелании большинства разведенцев создавать новые «законные» семьи и т.д.), связаны, на мой взгляд, именно с коренной перестройкой семьи. Ее завершение приведет, по-видимому, к стабилизации семьи и вообще любовно-брачно-семейных отношений на новом уровне, к созданию более или менее общепринятых моделей этих отношений, в отличие от нынешнего времени, когда эти модели глубоко различны, скажем, для большого европейского города и среднеазиатского села.

Будущая семья – семья относительно малодетная.

Впрочем, движение в сторону уменьшения числа детей в семье (или, говоря более общо – у женщин) имеет свои жесткие границы. Они определяются **необходимостью простого воспроизводства** населения по стране в целом, то есть такого положения, когда на смену родительскому поколению приходит поколение детей, численно равное родительскому. Сужение воспроизводства населения привело бы к столь разрушительным последствиям, что, конечно, не может быть допущено.

Для простого воспроизводства при нынешнем уровне смертности нужно примерно 220 детей на 100 женщин. Поскольку не каждая женщина может иметь детей, поскольку не все они состоят в браке, на 100 «детных» семей должно приходиться около 260 детей, то есть обществу нужна в **среднем трехдетная семья**.

Иметь ли детей, сколько их иметь, когда их заводить – все это вопросы «личные», решаемые двумя или даже одним. Такими, по глубокому моему убеждению, они и должны остаться. Но личные интересы не всегда согласуются с общественными. Как хорошо известно, доля третьих и последующих детей быстро падает (в 1966 году их было 38 из 100, а в 1977 году – 25). Однодетные матери будут, несомненно, и в будущем, не исключено, что доля их будет высока. Следовательно, общество должно поощрять появление и **четвертого** ребенка в одной семье.

Большинство же семей будет иметь в предвидимом будущем по два-три ребенка.

Коренные изменения произойдут в положении женщины в семье.

Как известно, до настоящего времени в подавляющем большинстве семей сохранились заметные пережитки неравенства. Выражаются они прежде всего в том, что

домашние дела лежат главным образом на плечах женщин, что женщина-мать практически в одиночку везет тяжелый «воз» семейных дел.

Одна из читательниц газеты пишет по этому поводу так:

«Женщину надо еще раз эмансипировать! Есть равенство в обществе, но нет в семье».

Домашний труд занимает у жены обычно в два с половиной – три раза больше времени, чем у мужа. Это, конечно, ставит женщину в неравные условия и на работе, поскольку существенно сказывается на получении профессии, повышении и поддержании квалификации, возможностях служебного продвижения и т.д.

Современные развитые, высокообразованные женщины не хотят и объективно не могут мириться с неравенством в семье. Еще менее будут склонны мириться с этим завтрашние женщины. Движение **от равноправия к равенству** проявляется сейчас очень ярко, и нет оснований считать, что оно затухнет.

В будущей семье супруги будут **не только равноправны, но и равны**. Пережитки старого уклада исчезнут. Однако изживанию этих пережитков надо сильнее, чем до сих пор, помогать сознательно и целенаправленно.

Не вернется ли матриархат?

Думаю, что нет. Хотя женщина в семье, конечно же, первый человек, а **не второй член семьи**, как у нас теперь нередко говорят. Без женщины семьи нет, без мужчины – сколько угодно.

Ну хорошо, скажет читатель, многодетная семья, в которой главенствует муж и отец, постепенно исчезает. Ее место займет семья того вида, который характерен сейчас для Центральной России и Прибалтики. В семье воцарится равенство. А что будет с этой самой нынешней малодетной семьей, куда и к чему будет развиваться она? Не идет ли дело к исчезновению семьи, ее отмиранию? Не сам ли автор много раз писал о росте разводов, о нежелании разведенцев вступать в повторные браки, о падении престижа семьи и т.д.?

Вопросы серьезные.

Повторю, что сейчас нет возможности вести на серьезной научной основе речь о том, что произойдет с семьей в очень отдаленном будущем. Если «грядущие годы таятся во мгле», то века и тысячелетия – тем более.

Что касается предвидимого будущего, то **семье как социальному институту**, на мой взгляд, ничто всерьез не угрожает.

Да, интенсивность разводов растет. И не надо быть особо проницательным, чтобы предсказать дальнейший ее рост в течение некоторого времени. Это следует из того, что разводимость наиболее высока в наиболее развитых во всех отношениях районах страны, что она здесь не снижается, а менее развитые районы стремятся и в этом отношении достичь уровня «передовых районов».

Да, большинство разведенцев в последнее время в новые «законные» браки не вступает. Но означает ли это, что они живут вне семей? В большинстве случаев они имеют фактические семьи, которые не «зарегистрированы». Причины этого мы здесь обсуждать не будем.

Эти и другие явления, осложняющие нынешнюю демографическую ситуацию, ни в коей мере, на мой взгляд, не подрывают положение семьи как социального института.

Суть вопроса – «сохранится ли в будущем семья?» - заключается, на мой взгляд, в том, сумеют ли какие-либо иные общественные образования (организации, учреждения) более успешно выполнять те функции, которые до сих пор более или менее успешно выполняла семья?

Думаю, что можно вполне успешно организовать «бессемейный» быт. Можно без семьи (нормальной, полной) произвести на свет детей. А вот можно ли, скажем, сделать этих детей вне семьи полноценными и счастливыми людьми? Речь, разумеется, идет не об отдельных случаях и не о теоретической возможности. Добавит ли «полностью общественное» воспитание детей счастья самим родителям? Так ли уж безболезненна была бы для современного человека утеря сложных социально-психологических отношений с другими членами семьи?

Вопросов можно задать множество. Научно обоснованных ответов на большинство из них, насколько я знаю, нет. А там, где есть какое-то подобие ответов, они отрицательны.

Замечу, что некоторые советские демографы считают целесообразным переход в будущем к полному обобществлению воспитания детей (ребенок поступает в ясли-интернат и т.д.). Родил, отдал – и отношения к своему ребенку не имеешь. Успех такого мероприятия не только не доказан (а тут нужны ведь не только теоретические доказательства), но и теоретически весьма сомнителен. В настоящее время именно в семье дети усваивают нормы человеческого общежития, духовной культуры в самом широком смысле слова. То, что конкретные семьи не всегда с этим успешно справляются, ничего еще не доказывает. Пока что семья совершенно необходима для счастья детей. Да, кстати, и для счастья родителей. Не только родители воспитывают детей, но и дети – родителей. Безболезненно и безвредно разорвать духовные связи между членами семьи едва ли можно. Во всяком случае – для нынешних людей. Думаю, что и для завтрашних – тоже.

«Человек будущего» - во всяком случае, **предвидимого** – едва ли будет в этом отношении сильно отличаться от человека нынешнего. Природа человека достаточно консервативна, поскольку она сформирована многотысячелетней историей самого человека и куда более продолжительной историей его предков. Заметьте, мы, люди конца XX столетия, вполне понимаем героев Софокла и Эврипида, нам вняты их мотивы, понятны поступки и психология. Скорее всего, завтрашний человек будет любить и ревновать, грустить, гордиться, завидовать, ненавидеть примерно так же, как и сегодняшний. И я не вижу серьезных причин, по которым он пожелает отказаться от сложного и богатого мира семейных отношений, весьма ценного для него.

Мне кажется, кроме того, что эмоциональная сфера человека заслуживает охраны – не меньшей, чем окружающая среда. А ведь эта сфера, пожалуй, «организована» вокруг эмоций, связанных с продолжением рода. Так что сознательно вносить сюда новации надо, крепко подумав, и только тогда, когда будут ясны последствия.

На всем протяжении этой статьи я сознательно не обращался к научной фантастике, которая дает много полезных «материалов к размышлению» по обсуждаемой нами сложной теме. Один пример я все же приведу.

В некотором очень высокоразвитом обществе дети после шести лет переходили в собственность государства, подростками их «десентиментализировали», то есть освобождали от чувств, поэтому родители легко забывали о своих детях. Делалось это ради технических и экономических успехов. Последствия технократических «завихрений» оказались плачевными. О них можно узнать в прелестной маленькой повести Роберта Янга «У начала времен».

Итак, на вопрос В. Герасимова «станет ли воспитание детей целиком функцией общества?» - для **предвидимого будущего** я отвечаю отрицательно, в частности, и потому, что, говоря словами того же читателя, в таком случае «жизнь взрослых обеднеет».

Все сказанное отнюдь, конечно, не означает, что в любовно-брачно-семейной жизни не произойдет существенных изменений. Как все живое, семья развивается и будет развиваться, происходили и будут происходить изменения и в предбрачных отношениях, и в подборе брачных пар, и во внутрисемейных отношениях...

Полагаю, что, думая о будущем, мы больше должны заботиться о настоящем, из которого ведь это будущее и вырастает. Что бы и как бы ни складывалось с семьей в будущем, это будущее в громадной степени зависит от нынешней семьи, ее положения, количества детей в ней, от скорости изживания неравенства в семье и т.д.

Между нашими демографами теперь нет существенных разногласий в оценке нынешней демографической ситуации в стране, демографических тенденций, демографической политики. Все согласны с тем, что надо укреплять семью, повышать рождаемость, улучшать воспитание детей.

Но очень многое и в демографическом развитии вообще, и в развитии семьи неясно. В частности, потому, что нет больших и сильных научных учреждений, которые могли бы всесторонне изучать такие сложные, многоаспектные явления, как население и семья. Думаю, что мгла времен будет постоянно отступать перед мощными прожекторами науки. И там, где мы сегодня лишь нащупываем предположительные ответы на важные вопросы, завтра можно будет получить ответы, фундаментально обоснованные.

НЕЖДАННЫЕ ДЕТИ*

Комментарий к статистике

В 1981 году в миллионном уральском городе Перми появилось на свет пятнадцать тысяч младенцев. Около половины из них были первенцами. Из каждой тысячи этих малышей 193 родилось у матерей, не состоявших в браке, а 374 — в первые восемь месяцев замужества... Таким образом, большинство первых детей — 567 из тысячи — было зачато вне брака...

У шестнадцатилетних матерей такие дети, естественно, составляли все сто процентов, у 17-летних — 97, 18-летних — 96, 19-летних — 74 процента. У матерей в возрасте от 20 до 25 лет — 52 процента, от 25 до 30 — 47, от 30 до 35 — 60, старше 35 — 70 процентов.

Особо высокая доля внебрачных зачатий у самых юных матерей понятна. По законам РСФСР минимальный брачный возраст установлен в восемнадцать лет. Местные органы власти могут в порядке исключения давать разрешение на брак в более юном возрасте при наличии особо уважительных причин. Такой причиной обычно бывает ожидание ребенка.

Пусть читатель простит мне множество приведенных цифр. Они очень важны и говорят, во-первых, о том, что у жителей больших городов решительно изменились нормы поведения. Традиционная мораль строго требовала прежде всего того, чтобы женщина сначала вступила в брак, а затем уж заводила детей. Изменение стереотипа поведения в этой важнейшей (и для отдельного человека, и для общества в целом) сфере жизни — главная перемена, от которой в решающей степени зависят и многие другие изменения.

Во-вторых, значительная часть детей изначально, со дня рождения, остается без отца. И это очень большая доля в «безотцовщине» — затем добавятся дети вдов, а также родителей, которые, устраивая свою личную жизнь, развелись. В-третьих, образуется очень много неустойчивых пар, которые заключили брак под давлением обстоятельств. Многим мужьям все кажется, что их «поймали». Будет ли прочным этот любовный союз? В последние годы на сто браков по стране в целом приходилось 33—34 развода. Вот и в Перми среди всех первенцев, родившихся менее чем через девять месяцев после свадьбы, насчитывалось 37 младенцев из ста. Многозначительная близость цифр!

* Отпечатано по гранкам. Номер газеты пока не установлен.

Она говорит прежде всего о том, что имеется еще очень много недостатков в половом воспитании молодежи, да и вполне взрослых, особенно женщин, которые не сумели предохраниться от нежеланной беременности.

Прошли времена, когда детей у человека было столько, сколько «бог пошлет». Теперь подавляющее большинство имеет столько, сколько желает. Демографы говорят о «сознательном материнстве», «планировании семьи» — разумеется, внутрисемейном, о том, что все дети должны быть жданными и желанными. Но о каких жданных и желанных детях может идти речь у шестнадцатилетних девочек! Тут мы имеем дело скорее с несчастными случаями. Рождение ребенка, как правило, очень осложняет всю долгую предстоящую жизнь юной матери, да и ребенку юность и безмужность его матери счастья не прибавят.

Уверен, что подавляющее большинство шестнадцати-семнадцатилетних матерей, да и женщин постарше не хотели внебрачных и добрачных детей. Конечно, иные мотивы были у одиноких женщин зрелых лет — заводя ребенка, они знали, на что идут. Последний случай, на мой взгляд, со всех сторон явление положительное, и о нем говорить пока не будем.

В самом деле, почему же рождается так много нежеланных, неожиданных, «незапланированных» детей? Все три причины уже названы: изменение поведения женщин в любовно-брачной сфере, неблагоприятное положение с предохранительными средствами и недостаточная грамотность женщин в вопросах предохранения от беременности.

Советское законодательство предоставляет решение вопроса о рождении или нерождении ребенка самой женщине. Советский Союз был первой страной, в которой были разрешены аборты. Это произошло еще в 1920 году, когда в РСФСР был принят соответствующий закон. И думаю, что этим мы можем законно гордиться. Правда, с 1936 по 1955 год производство абортов без медицинских показаний было запрещено. Заметим, кстати, что отмена этого запрета не привела к снижению рождаемости. Теперь вновь в течение почти трех десятилетий существует свобода аборта. И это, несомненно, очень хорошо. Плохо, однако, то, что аборт остается основным или одним из основных методов предотвращения нежеланных родов.

По единодушному мнению специалистов, искусственные аборт чреваты опасностью вторичного бесплодия. Особенно опасны они при первой беременности. По одному из специальных обследований, проведенному в Москве, каждая шестая женщина, сделавшая аборт при первой беременности, лишилась возможности иметь детей. Это трагедия для самих женщин. Вторичное бесплодие женщин вредно и для общества в целом — оно понижает общую рождаемость.

Аборты вредны для здоровья женщин и в тех случаях, когда их последствия не столь драматичны. Женщины стараются не допустить нежеланной беременности, однако далеко не всегда достигают в этом успеха. Приведу данные по Москве, где, надо думать, имеются лучшие условия «демографического планирования». Согласно одному исследованию, на каждую сотню работниц московских промышленных предприятий между первыми и вторыми родами пришлось по сто двадцать абортов. По другому обследованию, за пять первых лет брака на сто женщин пришлось сто сорок абортов.

Вероятно, у женщины может быть много причин не желать рождения ребенка именно в данное время: болезни, переезды, нелады в семье и проч., если даже она и хотела бы завести еще одного ребенка. К сожалению, не всегда помогают не допустить нежеланной беременности имеющиеся методы и средства предохранения.

Недостаточная их надежность ведет, кроме указанных выше, и к другим нежелательным последствиям для общества. В частности, как знают демографы, часть женщин откладывают рождение желанного ребенка, полагая, что «все равно попадет» и вот тогда-то и родит. Но обстоятельства жизни меняются, и этот ребенок может так и не появиться.

Наконец, массовая «безотцовщина», частично связанная с внебрачными рождениями и «стимулированными», вынужденными браками, мешает полноценному воспитанию подрастающего поколения, в том числе воспитанию разумного поведения в сфере любви и брака. Это, в свою очередь, ведет к снижению рождаемости.

Какие же выводы из всего этого следуют? Дав родителям возможность самим планировать развитие семьи, а женщине — решать вопрос иметь ребенка или нет, надо создать для этого соответствующие условия. Единственная в нынешних условиях альтернатива аборту — производство и широкое распространение эффективных

контрацептивов (предохранительных средств), а также информация о них, обучение пользованию ими.

К сожалению, во всех этих вопросах мы не стоим на «мировом уровне». Имеющиеся средства нередко неудобны и недостаточно надежны. Массовой информации практически нет.

Об уровне информации хорошо говорят два следующих факта. В массовом просветительном журнале «Здоровье» эта тема почти начисто отсутствует. Один мой знакомый, научный работник зрелых лет, как-то выписал в одной из крупнейших научных библиотек страны соответствующую специальную литературу. Ему ее не дали, несмотря на его заявление о том, что это нужно ему для научной работы. Он даже предъявил свои высокие научные удостоверения, сослался на то, что в той же библиотеке находятся его собственные, написанные им книги по тем же вопросам. Пришлось составлять особую бумагу с высокими подписями, удостоверяющую, что соответствующая литература нужна не для развлечения.

Думаю, что пришло время серьезно менять положение.

Как демограф, я вижу следующие основные доводы в пользу самой широкой рекламы предохранительных средств. Существенно повысится (при прочих равных условиях) рождаемость; специальные исследования приводят к выводу, что при оптимальном положении с противозачаточными средствами детей, как это ни удивительно, рождается на 20—25 процентов больше. Сейчас, когда в возраст наивысшей рождаемости начинает вступать малочисленное поколение рождения второй половины шестидесятых годов, это чрезвычайно важно — можно будет избежать следующего «демографического» провала, подобного тому, что был десять-двадцать лет назад.

Далее, существенно укрепится молодая семья, поскольку «стимулированных» браков станет много меньше, улучшатся условия воспитания подрастающих поколений, меньше станет «безотцовщины». И меньше будет драм и трагедий, связанных с появлением нежданных детей у слишком юных матерей.

Разумеется, остаются проблемы воспитания подрастающего поколения, подготовки его к будущей семейной жизни. Остаются проблемы девичьей чистоты и гордости, женской чести и т. д. Думаю, что значительно больше, чем до сих пор, должна делать школа. К сожалению, практика организаций, ответственных за состояние дел в крайне важной для нас социально-демографической области жизни, редко ориентируется не на

фактическое положение дел, а на устаревшие представления. Реальности, о которых шла речь в начале статьи, нужно принимать независимо от того, нравятся они нам или нет.

ОТЦЫ И АЛИМЕНТЫ*

Как уже читатель знает, недавно принято решение о создании в стране алиментного фонда. Оно встречено с одобрением читателями «ЛГ». Однако существуют и другие проблемы, связанные с выплатой алиментов.

Сошлись случайно в почте два письма.

Письмо матери:

«Таких отцов, как мой бывший муж, надо заставить работать, и не так, как работает он. Зарботок у него семьдесят-сто рублей в месяц, и выходит, что 33 процента, которые он выплачивает за двух детей, составляет двадцать-тридцать рублей. Я много писала своему бывшему мужу. Взывала к его совести, расписывала до копейки наши расходы. Ничего не помогло. От моей мольбы быть человеком, жить и работать по-человечески - никаких результатов».

Письмо отца:

«Раньше я платил на содержание ребенка около ста рублей в месяц. Сумасшедшие деньги! То есть я полностью брал на себя материальное обеспечение ребенка. По-моему, и не только его. Теперь я работаю сторожем... И оклад у меня соответствующий. Но чтобы не испытывать материальных затруднений, подрабатываю. Правда, стало меньше свободного времени, но я не расстраиваюсь.

Не буду описывать способ добычи побочных денег. Ежемесячно получается дополнительно 230 рублей. Вполне прилично. Эта сумма, естественно, не облагается алиментами. В результате ребенок получает алиментов двадцать рублей, а государство в качестве сторожа имеет высококвалифицированного рабочего с неоконченным высшим образованием».

* Литературная газета № 24, 13 июня 1984 г.

Из этих отрывков суть проблемы видна достаточно хорошо. Кроме «отцов-беглецов», которых должно призвать к порядку постановление об алиментном фонде, есть у нас и такие вот «полусознательные» граждане, не бегающие от алиментов, «корректно» перечисляющие своей бывшей семье причитающиеся по закону «проценты», но стремящиеся всячески уменьшить их реальное наполнение.

Никому не известно число таких пап, но, судя по количеству писем в редакционной почте, их немало. Читатели нередко предлагают и меры против ловкого уклонения от алиментов: установление минимальных размеров алиментов.

Думаю, предложения такого рода в принципе правильны. Что касается нижней границы алиментных выплат, вопрос этот надо серьезно и всесторонне исследовать.

Установление минимального размера алиментов существенно улучшило бы материальное положение значительного числа детей из распавшихся семей. Напомню, в последнее время ежегодно в стране совершается более 900 тысяч разводов, и, следовательно, без отца остается не меньше миллиона детей. Редки случаи, когда ребенок остается с отцом.

Нижний предел алиментов — лишь один аспект проблемы. Другой — верхний его предел. В редакционной почте немало писем и о том, что неправильно и несправедливо положение, когда бывшие жены получают чрезмерно крупные суммы, позволяющие им иногда вести нетрудовой или не вполне трудовой образ жизни. Встречались даже сообщения о ловких, по мнению авторов писем, женщинах, которые ухитрялись по три раза выходить замуж за людей с очень высокими заработками, например, за полярников, заводить детей и получать на каждого по четверти высоких отцовских зарплат.

Как далее пишет уже цитированный сердитый автор письма, «на дядю никто работать не хочет». Он утверждает: нужно пересмотреть положение об алиментах. Может быть, тогда меньше будет «беглых» и низкооплачиваемых пап. Как бы ни был несимпатичен нам этот «борец за правду», в его словах есть доля истины...

Еще проблема... Если на одного ребенка бывшая жена получает двадцать пять процентов зарплаты бывшего мужа, то на двух — тридцать три (то есть на второго — восемь процентов). На трех — пятьдесят (то есть на третьего — семнадцать процентов заработков бывшего супруга). Как объяснить это? Понятно, что расходы на первого ребенка несколько выше, чем на второго, но не в три же раза! И уж на второго-то никак не меньше, чем на третьего.

Видимо, при установлении нынешней шкалы законодательство исходило прежде всего из требований простоты, доступности, понятности. Действительно, просто: четверть, треть, половина!.. Но при этом, повторяю, на второго-то ребенка почти ничего не приходится. А это имеет немаловажное демографическое значение. Всем известно, в последнее время, особенно в больших городах, распространилась однодетная семья. Не раз приходилось слышать от женщин: не рожают больше одного раза, боясь, что брак окажется непрочным и трудно придется с двумя детьми.

Малые выплаты на второго ребенка могут стимулировать однодетность.

Хотелось бы думать, что я убедил читателя в необходимости дальнейшего совершенствования всей нашей алиментной системы. Но вот убедил ли тех, от кого зависит решение проблемы? Интересно было бы знать, что думает по этому вопросу, в частности, Госкомитет СССР по труду и социальным вопросам. Или Министерство социального обеспечения. Или Госплан СССР, в составе которого теперь имеется специальное подразделение по населению и трудовым ресурсам.

СЕМЬЯ И ПЯТИЛЕТКА*

(В рубрике «Навстречу XXVII съезду КПСС»)

В 1984 году детей в стране появилось немного меньше, чем в предшествующем. Начался очередной спад рождений. В 1985 году детей должно быть уже намного меньше, чем в 1984-м. Статистики пока нет, но тут едва ли можно ошибиться — в 1984 году браков было на 200 тысяч меньше, чем в 1983 году, а за спадом числа браков неизбежно падает и число рождений.

Двенадцатая же пятилетка может стать периодом столь же стремительного уменьшения числа рождений, как и шестидесятые годы — если, конечно, не будут приняты достаточно серьезные меры демографической политики, стимулирующие рождаемость.

Дело в том, что в тот возраст, когда рожают большинство детей, начинает входить малолюдное поколение рождения шестидесятых годов, а из возраста наивысшей рождаемости выходит многолюдное поколение, появившееся на свет в пятидесятые годы. Снова отзовется «демографическое эхо». Напомню, что в среднем за год в 1958—1960 годах рождалось по 5,3 миллиона детей, а в 1967—1969 — по 4,1 миллиона. Такой же спад может повториться и теперь.

В конце пятидесятых годов чистый коэффициент воспроизводства населения был равен 1,3 (то есть число детей при том уровне рождаемости было много больше численности родительского поколения), а в 1979—1980 годах он был равен 1, то есть страна в целом перешла от существенно расширенного к простому воспроизводству населения. При этом оно обеспечивалось Средней Азией, Казахстаном и Азербайджаном, а в России и союзных республиках европейской части страны для количественного замещения родительского поколения детей сильно не хватало.

Меры, принятые XXVI съездом партии для повышения рождаемости и реализованные в прошлой пятилетке (оплачиваемые отпуска для матерей до достижения ребенком возраста одного года, единовременные пособия при рождении детей, увеличение в четыре раза выплат на детей для матерей-одиночек и т. д.), несколько

* 1985 г. (?). Отпечатано по гранкам. Номер газеты пока не установлен.

улучшили положение. В 1982—1984 годах в среднем родилось тоже по 5,3 миллиона детей, как и в конце пятидесятых годов. При сохранении нынешнего уровня рождаемости (интенсивности рождений, числа детей у средней женщины) произойдет такой же спад рождений, как в шестидесятые годы, то есть демографическая волна воспроизведет себя, повторится. Одним из последствий этого было бы громадное уменьшение численности трудовых ресурсов в 2003—2010 годах, когда из рабочего возраста (достигнув шестидесяти лет) будет выходить самое многочисленное в населении нашей страны поколение, рожденное во второй половине пятидесятых годов, а входить в него будут дети двенадцатой пятилетки.

Очень важно в двенадцатой пятилетке повысить рождаемость, что привело бы к уменьшению размаха демографической волны.

Демографам хорошо известно, что в стране есть значительные резервы повышения рождаемости. Назову некоторые из них. Хотя в последнее время брак значительно «помолодел», громадное число женщин вступает в него значительно позднее оптимальных сроков. По последним опубликованным данным, к двадцати пяти годам еще не вступали в брак каждые двадцать женщин из ста, к тридцати годам — семь. Кроме того, к тридцати годам появляется значительное количество разведенных и вдов. По последней переписи населения в возрасте от 25 лет до 30 не состояли в браке 194 женщины из тысячи. Может быть, не хватало женихов? Отчасти... Но и среди мужчин 25—30 лет не состояли в браке 215 из тысячи, в возрасте от 30 до 40 лет — 122 из тысячи. Брак потерял свою прежнюю привлекательность, многие не хотят вступать в повторные браки.

Громадный резерв рождаемости, более раннее вступление в брак, повышение доли состоящих в браке.

Поправить демографическое положение может только молодая семья. Теперь трое из каждых четырех новорожденных родится у матерей до тридцати лет, и эта доля постоянно увеличивается (перед войной у матерей старше 30 лет рождалась половина детей). Значит, надо осуществить меры, которые бы стимулировали вступление в брак и повышение рождаемости именно у молодежи.

Она выполняет в обществе три основные, функции: учится, работает, рождает и воспитывает детей (причем здесь существует жесткая конкуренция). В двенадцатой

пятилетке конкуренция усилится. Из-за малочисленности молодежи увеличивается доля тех, кто учится в вузах. К тому же в условиях научно-технической революции учиться приходится все дольше.

Поскольку в двенадцатой пятилетке не будет прироста трудовых ресурсов (людей в рабочем возрасте, от 20 до 60 лет станет меньше на один миллион), общество, естественно, заинтересовано в том, чтобы больше молодежи работало в общественном хозяйстве.

Можно одновременно учиться, рожать и воспитывать детей, как это некоторые и делают. Можно одновременно работать, рожать и воспитывать детей, как это делает большинство. Однако нельзя одновременно и работать, и учиться, и рожать, и воспитывать детей. Среди студентов велика доля заочников и вечерников, которые, в соответствии с законодательством, должны работать. Надо стремиться к снижению доли заочников и вечерников, фактически же она стала в последние годы расти.

Далее. Матери испытывают большие трудности, когда они должны, имея маленького ребенка, работать или учиться. С демографической точки зрения желательно, чтобы мать имела возможность в первые годы воспитывать детей сама. Для этого нужны длительные отпуска и возможность жить без заработной платы, то есть существенные пособия.

Очень различны и доходы молодых семей, их жилищные условия, у молодежи они вообще значительно хуже, чем у других категорий населения.

Место в очереди на жилье определяется главным образом продолжительностью работы на предприятии, в данном учреждении. Поскольку у молодых людей большого стажа не может быть именно из-за их возраста, они неизбежно оказываются в хвосте. Поэтому нормальное, по нынешним понятиям, жилье (отдельная квартира) люди обычно получают годам к тридцати, когда лучшее время для обзаведения детьми уже прошло.

Примерно половина молодых семей имеет неудовлетворительные жилищные условия. При нынешней повысившейся жилищной обеспеченности другие категории населения должны потесниться в пользу молодых семей. Как это сделать — особая тема. Едва ли можно считать нормальными нынешние контрасты в обеспеченности жильем. «Если бы директором был я», то прежде всего резко увеличил бы долю кооперативного жилищного строительства со льготными условиями для молодых семей.

Многие пользуются материальной поддержкой родителей. Но, конечно же, не все (дети матерей-одиночек, вдов, разведенных, малообеспеченных родителей...). Нужно хотя бы в некоторой степени выровнять для молодых людей условия семейного старта. Думаю, надо установить для молодых семей государственные кредиты — на жилье, мебель и т. д.

Для нормального демографического развития стране нужна трехдетная в среднем семья. Сейчас трехдетная семья живет в материальном отношении значительно хуже однодетной — по доходам, жилищным условиям, возможностям отпускного отдыха. Нужно преодолевать «дискриминацию» трехдетной и более крупной семьи. Лучшее средство для этого — выплаты на детей. Труд родителей по воспитанию есть труд общественно необходимый. Он должен оплачиваться. В нынешних условиях, когда у семьи нет экономической заинтересованности в детях и когда так ярко проявилось массовое стремление к однодетности, — за детей надо платить!

К сожалению, в Основных направлениях я не нашел ничего специально о рождаемости и воспроизводстве населения. Разумеется, многое в документе связано с демографией, однако ей следовало бы, учитывая неблагоприятность нынешней демографической ситуации и реальную возможность ухудшения, посвятить специальные пункты. Считаю необходимым включить в Основные направления следующее:

«Принять меры к повышению рождаемости, особенно там, где она не обеспечивает простого воспроизводства населения. Продлить частично оплачиваемые отпуска матерям после родов. Поднять оплату этих отпусков до размеров минимальной заработной платы. Установить ежемесячные пособия на детей, начиная со второго ребенка. Принять решительные меры к улучшению жилищного положения молодой семьи. Резко увеличить долю семейных общежитий за счет снижения доли общежитий для одиночек. Предоставлять молодым семьям государственные кредиты для приобретения жилья, мебели, хозяйственного обзаведения. Ускорить развитие индустрии отдыха. Создать преимущественные условия для семейного отпускного отдыха родителям, у которых трое и более детей».

ЗАБОТА О МОЛОДОЙ СЕМЬЕ*

(в рубрике «Обсуждаем Программу КПСС»)

Положения Программы, относящиеся к усилению заботы о семье, вызывают у меня как гражданина и демографа большое удовлетворение.

Представляется, что было бы целесообразно указать одну из главных целей усиления заботы о семье – расширенное воспроизводство населения. Нужно создать такую обстановку в стране, когда детское поколение больше, многочисленнее родительского. Только такая ситуация может обеспечить благоприятное демографическое развитие государства.

Хотелось бы также несколько уточнить формулировку: «... расширять меры, направленные на улучшение материальных, жилищных и бытовых условий многодетных и молодых семей».

Думаю, что целесообразно сформулировать этот пункт следующим образом: «... и бытовых условий семей, в первую очередь – многодетных и молодых».

* Литературная газета N 45, 6 ноября 1985 г.

СКОСОБОЧЕННАЯ ЖИЗНЬ*

Сексуальная революция у нас все-таки свершилась – подпольно.

В послевоенное время в России начали меняться и половая мораль, и реальное сексуальное поведение. Хотя все знали, что «у нас секса нет», крутые перемены шли во всей столь важной для человека любовно-брачно-семейной сфере жизни. Менялся тип семьи, уровень рождаемости, весь образ семейной жизни. Теоретически на идеологическом уровне ничего не происходило. А в реальной нашей жизни традиционная — патриархальная — семья не могла уцелеть. Остановить обширные и глубокие социально-демографические перемены, «не допустить» их, не позволить было невозможно. Но в отличие от Запада «наша» сексуальная революция была как бы нелегальной, подпольной.

Часто глубокая борозда пролегла между поколениями, между родителями и детьми. Приведу небольшой фрагмент из повести такого социально чуткого писателя, как Василий Шукшин.

«Десять лет назад он (отец, директор совхоза. — **В.П.**) отправил дочь учиться в город, в институт. Через полтора года она сообщила, что вышла замуж. Потом написала — разошлись. Потом бросила институт, приехала домой. Пожила с год, ничего не делая, уехала снова в город. Опять вышла замуж. За какого-то талантливую ученого. И снова не то, развод. Писала, что работает, денег не просила. Всё это, вся ее скособоченная жизнь убивала его; что мог, он скрывал от людей».

Здесь замечательно схвачено главное. Основные участники нашей сексуальной революции — маргиналы: люди, оторвавшиеся от традиционной сельской среды, хранящей старую мораль, и еще не ставшие в социально-психологическом смысле

* Литературная газета № 45, 6 ноября 1996 г.

горожанами. Люди, выбитые из своей колеи, промежуточные, с расшатанной «наследственностью», не адаптированные к новому своему положению.

Прежде в первый брак женщина должна была вступать девушкой (в чисто физиологическом смысле). Исключения были редки. И это были случаи позора и для невесты, и для родительской семьи, и для более далеких родственников. Такой тип сексуального поведения — практическое отсутствие добрачной половой жизни — до сих пор безраздельно господствует у коренных народов Средней Азии. А вот для наших больших городов это стало скорее исключением.

В начале 80-х годов в миллионном уральском городе Перми талантливейший (тогда — наш и молодой) демограф М. Тольц организовал и провел уникальное исследование. Были учтены все забеременевшие за год, **ранее не рожавшие**, женщины и прослежены исходы всех беременностей. На каждую тысячу беременностей пришлось:

- абортов — 272;
- рождений вне брака — 140;
- рождений в первые месяцы после заключения брака — 271;
- рождений детей, зачатых после заключения брака, — 317.

Из этого видно, что подавляющее большинство молодых женщин Перми вело активную добрачную половую жизнь. Но, быть может, это какой-то исключительный, нетипичный город? Совсем нет. По всем публиковавшимся данным демографической статистики, Пермь типична для больших городов России. Можно уверенно считать ее типичной и в отношении сексуального поведения молодежи.

Государственную статистику этот аспект нашей жизни не интересует. И очень жаль. Посмотрим на последствия той картины, что выявилась в Перми.

Более четверти забеременевших (ранее не рожавших) сделали аборты. Но аборты при первых беременностях, как хорошо известно медикам, чреватые бесплодием на всю последующую жизнь. На это **вторичное** бесплодие падает примерно половина **всех** случаев бесплодия. И вот, пожалуйста, тому подтверждение: забегаю вперед, скажу, что, по последним опубликованным данным, восемь процентов женщин в возрасте от 45—50 лет (то есть за пределами плодovитого возраста) ни разу не рожали. Это миллионы

нерожденных детей. И миллионы женщин, лишенных счастья материнства. При ином государственном отношении к сексуальной революции большинства аборт при первой беременности могло не быть. В цивилизованных странах почти не бывает нежеланных беременностей, а у нас аборт — главное средство избавления от них.

Каждая седьмая из забеременевших ранее не рожавших женщин Перми стала матерью-одиночкой. В подавляющем большинстве случаев это очень молодые женщины. Многие из них замуж за отцов своих первенцев не выйдут. Часть останется матерями-одиночками навсегда. Их дети многого в своей детской жизни недополучат.

Более четверти родили в первые месяцы после заключения брака. Это то, что в науке называют «браками, стимулированными беременностью невесты», а в народе, как мне не раз приходилось слышать, — «браками вдогонку». А это одна из главных причин непрочности наших молодых семей, громадного числа разводов. Обычно в таких случаях хотя бы для одного из молодых супругов брак нежелателен, решение о женитьбе несвободно. Это мина под будущее семьи. Именно такие брачные союзы особенно непрочны.

Важнейшее следствие «браков, стимулированных беременностью невесты», — громадное число неполных, «материнских» семей. Дети воспитываются без отцов, часто — без достаточного мужского влияния вообще, матери нередко не могут «справиться» с подростками в сложный переходный период взросления. Это среда, дающая повышенный процент лиц с «отклоняющимся поведением» (хулиганы, алкоголики, наркоманы, воры, насильники и т.д.).

Как видим, многие последствия сексуальной революции очень нежелательны. Печальны для ее участников и для общества в целом. Что же из этого следует?

Сексуальная революция в реальных условиях нашей жизни была неизбежна. А вот тяжелые ее последствия — это в значительной мере результат «позы страуса», принятой по отношению к ней нашим советским государством.

Объективно Россия находилась в лучшем положении, чем Запад. У нас сексуальная революция произошла позднее, чем там. И мы могли бы к ней подготовиться. Но в определенных кругах были сильны настроения типа «а у наших у ворот будет все наоборот». Нежеланное для бюрократа списывалось на «пережитки прошлого», хотя в данном-то случае мы имели дело не с пережитками, а с «нажитками». Сколько раз от чиновников разных уровней и из разных сфер приходилось слышать: «у нас еще, к сожалению...» — высока разводимость, низка рождаемость и т.д. Разводимость стремительно росла, рождаемость быстро падала, а у них – «еще», и надо было ожидать улучшения всего и вся, потому что «чем ближе к коммунизму, тем лучше будет».

У меня нет сомнений, что в тяжелых последствиях сексуальной революции в России виновна номенклатура. В преддверии неизбежных крутых перемен нужно и можно было по меньшей мере наладить сексуальное просвещение молодежи и снабдить ее средствами, предохраняющими от нежеланной беременности. Ни того, ни другого сделано не было.

Вот и имеем мы теперь то, что имеем.

В 1993 году на 100 браков в России пришлось 235 аборт. И каждый пятый ребенок в последние годы родился вне брака.

Не думаю, что при любых усилиях мы достигли бы такого положения, как в Нидерландах (10 аборт на 100 браков), Греции (11) или Германии (14), но ведь даже в Чехии их всего 50 против наших 235. Просто этих усилий не было. И, судя по всему, едва ли приходится ожидать их в ближайшем будущем.

Общество никогда не выигрывало от игнорирования реальности. Сексуальная революция, которую так долго поносили, в России свершилась. Результаты ее надо признать и адаптировать к ним нашу демографическую политику, сексуальное просвещение, здравоохранение и все то, что с этой революцией так или иначе связано.